

УНИКАЛЬНОСТЬ МЕНТАЛИТЕТА РОССИЙСКОГО НАРОДА И СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ

Под менталитетом (от поз. лат. *mentalis* — умственный) понимается образ мыслей, совокупность умственных навыков и духовных установок, присущих отдельному человеку или общественной группе; психология нации [1, с.516].

В современной науке существует много определений понятия «ментальности» и «менталитета». Приведем некоторые из них. Так, А.Я. Гуревич определял ментальность через «наличие у людей того или иного общества определенного общего умственного инструментария, психологической оснастки, которая дает им возможность по-своему воспринимать и осознать мир и самих себя... Хаотичный и разносторонний поток в восприятии перерабатывается сознанием в более или менее упорядоченную картину мира, и это мировидение накладывает неизгладимый отпечаток на все поведение человека. Субъективная сторона исторического процесса, способ мышления и чувствования, присущий людям данной социальной или культурной общности, включается в объективный процесс их истории» [2, с.11]. Профессор Сиракюзского университета (США) Д.Филд считает, что «менталитет — это устойчивый склад ума, имеющий если не логическую форму, то системный характер, который коренится в материальной жизни и широко распространен в значительной части населения и который оказывает непосредственное влияние на экономические, социальные и политические отношения» [3, с.8]. По мнению Ю.Л.Бессмертнова, менталитет — «совокупность образов и представлений, которой руководствуются в своем поведении члены той или иной социальной группы и в которой выражено их понимание мира в целом и их собственного места в нем» [4, с.9].

Исследуя особенности российской государственности в контексте цивилизационного развития, О.Ю.Винниченко определяет менталитет как «уровень индивидуального и общественного сознания, обусловленный глубинными структурами культуры, исторически и социально укорененными в сознании и поведении людей. Данные структуры в своих основах стабильны, трудно изменяемы, а потому представляют наиболее общее содержание, объединяющее в себе различные исторические эпохи в развитии национальной истории и культуры. В отличие от идеологии менталитет — то общее, что объединяет сознательное и бессознательное, рациональное и интуитивное, общественное и индивидуальное, теоретическое и практическое» [5, с.11-12].

Изучению ментальности народа, а также степени его влияния на государственно-правовые институты в отечественной науке уделялось, не считая трудов отечественных правоведов дореволюционного периода, слишком мало внимания. В советской юридической литературе данную проблематику обходили стороной. Лишь в 90-х гг. прошлого века менталитет, правосознание народа как социально-государственные категории, получили свою актуальность,

вызвав тем самым, интерес со стороны философов, социологов, политологов и юристов [6].

Отечественные дореволюционные ученые не раз подчеркивали сложность, некую противоречивость, самобытность российского менталитета и основанного на нем правосознания. Уникальность менталитета, его отличительность и исключительность позволяют со всей уверенностью говорить о специфике отечественной формы государственного управления. Безусловно, помимо самого менталитета как фактора, оказывающего детерминирующее влияние на форму государства, есть и другие, к числу которых относят многонациональность населения, природно-климатические условия его проживания, географическое положение, размеры территории государства, исторические условия образования государственности у данного народа и т. д.

Тем не менее, полагаем, что, несмотря на эти и иные факторы (условия), менталитет имеет ключевое значение в развитии государственности, выполняет функцию эволюционного вектора в формировании государственно-правовых институтов. Немаловажную роль играет и основанное на нем правосознание населения. В конечном итоге менталитет и правосознание народа определяют специфичность каждого государства в отдельности, его форму правления, его общественно-социальную конституцию.

Еще известный русский ученый И.А. Ильин утверждал, что «каждый народ и каждая страна есть живая индивидуальность со своими особыми данными, со своей неповторимой историей, душой и природой». Именно поэтому «каждому народу причитается своя, особая, индивидуальная государственная форма и конституция, соответствующая ему и только ему... Слепое заимствование и подражание нелепо, опасно и может стать гибельным» [7, с.31].

Осознавая уникальность менталитета и правосознания русского народа, дореволюционные ученые расходились во мнениях относительно дальнейших путей модернизации государственно-правовых институтов и развития самого государства Российского. Так, еще П.Е. Казанский подчеркивал, что сложившаяся ситуация в области государствоведения отражала два течения общественно-политической жизни: «космополитическое» и «национальное». Если первое, по его мнению, полагает, что «совершенные формы правления уже найдены по опыту других народов, продвинувшихся дальше по пути государственного развития, и задачей является наиболее полное перенесение к нам последних, так сказать, усовершенствований государственного механизма. Исходная точка этого направления гласит, право вообще и публичное право в частности есть, так сказать, общественная математика, формулы которой, как формулы, например, алгебры, имеют равную ценность для всех».

Представители второго направления утверждали, что формы государственного устройства «должны быть найдены русским Народом самостоятельно, в соответствии с ее действительными надобностями, причем поучение надо искать, прежде всего, в прошлом Русского Государства и народа и засим только в быте других народов» [8, с.37]. В дальнейшем эти направление приобрели форму двух течений «западников» и «славянофилов».

Вслед за славянофилами среди самобытных черт российской культуры, которые определялись спецификой месторазвития, евразийцы называют византийское влияние и соборность русского народа. Соборность понимается евразийцами как особая форма социальной общности, при которой опреде-

ленная социальная целостность представляет собой единство социальных личностей. Она характеризуется наличием у них соборного сознания и соборной воли (единства рационального и иррационального), специфическим взаимодействием входящих в него социальных личностей. Соборность, таким образом, — это устремленность социальных личностей к единому духовному центру, в понимании евразийцев, — к православной церкви» [5, с.74-75].

Так, евразийский философ Н.Н.Алексеев важнейшей специфической чертой российской государственности называл раскол в обществе, который проявляется в конфликте между заимствованными на западе нововведениями и особенно российскими чертами политической жизни, в разрыве между народом и правящим слоем. Представления русского народа об идеальном государстве были связаны с идеалом «государства правды», которое могло сочетать в себе, казалось, несовместимые аспекты и понималось как православная правовая монархия, либо как диктатура, или же как казацкая вольница.

Другими словами, Н.Н.Алексеев очень верно подметил такие особенные черты ментальности россиян, как патернализм, идеализацию диктатуры. В результате анализа указанных особенностей российской государственности евразийцы приходили к выводу об особой роли субъективного фактора в эволюции российской государственности, настаивали на том, что Россия не может быть управляема иначе, как при помощи: организованного и сплоченного правящего слоя [9, с.167].

Таким образом, по мнению евразийцев, в условиях раскола общества, обширной территории Российское государство может быть управляемо только при наличии сильной вертикали власти, при централизации властных полномочий.

Подводя итог дискуссии по проблемам российской ментальности в редакции журнала «Вопросы философии», профессор А.П.Огурцов указывал на такие компоненты российского менталитета, как разрыв между настоящим и будущим, исключительная поглощенность будущим, отсутствие личного сознания, а потому и ответственности за принятие решений в ситуациях риска и неопределенности, облачение национальной идеи («русской идеи») в мессианскую форму, открытость или всеотзывчивость русского менталитета [10, с.50].

В рамках данной статьи мы не стараемся дать полную характеристику особенностям менталитета русского народа, попытаемся показать зависимость формы правления от него. Ведь, оказывая непосредственное, детерминирующее влияние на эволюцию государственности, менталитет призван играть архиважную роль в процессе дальнейшей модернизации государственно-правовых институтов в России. И данный факт нельзя не учитывать. Ведь устанавливая конституционным или иным путем (революцией, насильственной сменой власти) форму государства, необходимо исходить не из идеалов достижений человечества в современных гуманитарных науках и не искать наилучшую форму государства (элементами которых являются форма правления и территориального устройства), не механически копировать по образу и подобию развитых государств те или иные институты, а учитывать свой жизненный строй, собственный национальный опыт государственного строительства. Здесь самое главное — умение видеть необходимость такого заимствования.

В российском монархическом государстве восточно-деспотического типа уважительного отношения к праву и закону сложиться не могло, не было в нем и условий для утверждения демократической законности. При достаточно очевидном отсутствии в истории нашей страны стойких правовых традиций и правовых ценностей нельзя забывать о громадном вкладе русских юристов — ученых и практиков в дело формирования правосознания в России в конце XIX—нач.XX веков. Но процесс становления российского правосознания был прерван в 1917 году.

Существенный урон зарождавшемуся российскому правосознанию нанесла марксистско-ленинская мысль об отмирании права. Не способствовала развитию правосознания и правовая жизнь советского общества. Российское общество в его сегодняшнем состоянии начинает XXI век в условиях дефицита правопонимания. В этой ситуации вопросы понимания роли правосознания и путей формирования и развития правовой культуры приобретают особую значимость.

Чем же объясняется особенность менталитета российского народа и основанного на нем правосознания? Попытаемся ответить на этот вопрос. По нашему мнению, Россия является интегрирующим центром, своеобразным «мостом», соединяющим две противоположные по своим качественным характеристикам культуры — западную и восточную. Традиции, обычаи, обряды, основанные на этой интеграции, способствовали формированию устойчивого интеллектуально-духовного самобытного, уникального отечественного менталитета народа. Это подтверждается еще и тем, что Россия представляет собой территорию, население которой состоит из множества различных народов и народностей, являющихся носителями какой-то своей правовой культуры, имеющих свой уклад жизни, свои традиции, свои взгляды на общественно-политические институты, свое понимание мира и его обустройства. Все это накладывает отпечаток на российскую правовую культуру в целом. Л.С.Васильев, Ю.В.Павленко, Г.Померанц, выделяя в современном мире четыре субглобальные цивилизации: западную, ближневосточную, южноазиатскую и дальневосточную, полагают, что Россия развивалась и испытала влияние, по крайней мере, трех, а отчасти даже четырех из них [Цит. по 5, с.84]. Таким образом, сочетание нескольких цивилизационных начал говорит об уникальности российского менталитета.

По словам Л.В.Милова, «наряду с такими производными качествами, как доброта, отзывчивость, готовность к самопожертвованию, долготерпение, трудолюбие, отчаянная храбрость составляла на протяжении столетия главную особенность русского менталитета и главную черту его национального характера». Общеизвестно, что проявлением общинного характера российской ментальности также является гипертрофия (абсолютное преувеличение) надежд на верховную власть, малая самостоятельность, низкая ответственность россиян за свою судьбу.

Точку опоры политической воли россиянин склонен выносить вовне, связывая ее с верховной государственной властью. Вмешательство государственной власти во все сферы жизни все еще отвечает психологической потребности россиян. С этим связано такое российское явление, как патернализм — тип руководства, при котором руководители обеспечивают удовлетворение потребностей подчиненных взамен их лояльности и послушания; осу-

ществляется покровительство, «отеческая власть» индивида над другим, считающимся слабым индивидом или группой [11, с.22].

Подобный тип управления, на наш взгляд, находит свое выражение в формировании органов публичной власти, в распределении полномочий между высшими органами государственной власти (большая часть которых находилась всегда в руках главы государства), их взаимоотношений между собой, ответственностью друг перед другом.

Итак, самобытность менталитета российского народа находит свое выражение в специфике отечественной формы правления, ее нестандартизированности. Как верно отмечал Л.А.Тихомиров, «политическая сущность бытия русского народа состоит в том, что он создал особую концепцию государственности, которая ставит выше всего, выше юридических отношений — начало этическое. Этим создана русская монархия, как верховенство национально-нравственного идеала, и она много веков вела народ к развитию и преуспеванию, ко всемирной роли к первой роли среди народов земных — именно на основе такого характера государства» [12, с.347].

Развивая данную идею, В.Н.Лешков говорит об «особой идее», специфике, самобытности русского народа, которая, по его мнению, заключается в общинном характере ментальности россиян, их уклада жизни, быта: «...мы приходим к заключению, что отличительное свойство нашего народа, сообщившее особенность его истории, состоит в общинности, в общинном быте, в способности составлять общины и постоянно держаться общинного устройства, порешая все при посредстве общины». В.Н.Лешков видел будущее нашей страны в гармоничном развитии общественных и государственных институтов; если говорить на языке современной юриспруденции — в развитии элементов гражданского общества [13, с.110-111].

Данные элементы были закреплены в той или иной форме в ныне действующей Конституции РФ, в новых принципах организации общественного и государственного устройства (таких как принципы разделения властей, народовластия, политический плюрализм, равноправия субъектов Федерации и т.д.). Содержание конституционных принципов организации власти и установление на их основе новой системы государственной власти (появление таких государственных органов как Федерального Собрания, должности Председателя Правительства, Конституционного Суда РФ и др.) позволяет говорить о модернизации формы правления в России. При этом, следует учитывать, что в процессе разработки Конституции использовался зарубежный опыт государственного строительства, в ущерб, на наш взгляд, отечественному. Хотя, конечно, нельзя не учитывать царившую тогда политическую и социально-экономическую обстановку.

В этой связи не потеряли своей актуальности слова Н.А. Захарова, который еще в начале XX века говорил, что «...мы не имеем самостоятельного взгляда в своей политической и юридической науке, а лишь копируем в большинстве случаев воззрения западных теорий... Трудно установить, в силу каких условий происходит это нежелание скроить перчатку юридических концепций по русской руке, вероятнее всего, в силу психо-социологических условий поклонений перед внешней стороной Запада, полнейшего обособления науки права от реальной жизни и пассивности нашей природы, но, во всяком случае, как с кафедры, так и в литературе мы все время слышим о правовом строе За-

пада и весьма мало — об общих началах нашего государственного строя» [14, с.33-34].

Н.А.Захаров придавал большое значение особенностям ментальности нации, ее тесной взаимосвязи с политической организацией нашего общества.

В чем же заключается специфика формы правления в России? В Конституции РФ 1993 года содержится лишь общая формулировка, что Россия — это государство с республиканской формой правления. Известно, что все республики традиционно делятся на президентские, парламентские и смешанные. Однако в науке встречаются различные подходы к классификации республик. Так, В.С.Нерсесянц выделял две основные формы современной республики: президентскую, парламентскую, представляющие собой различные варианты реализации принципа разделения властей в государстве [15, с.248]. А.С.Автономов классифицирует все республики на парламентские, президентские (дуалистические), республики со смешанной формой правления (полупрезидентские) и монархические [16, с.252-256].

Анализируя признаки тех или иных видов республик и, сопоставляя их с чертами российской формы правления, в научной литературе нет единой позиции в отношении характеристики формы правления в Российской Федерации. В частности, Т.Я.Хабриева и В.Е.Чиркин считают, что в нашей стране сочетаются черты президентской и парламентской республик, но на практике в системе управления государством доминирует президент [17, с.251]. По мнению американского исследователя Х.Линца, президентская модель, имеющая место в постсоциалистических странах, в том числе и в России, ведет к росту политической нестабильности, противопоставлению законодательных и исполнительных органов, пренебрежению принципу законности [18, с.252].

Как полагает Л.Д.Воеводин, «непредвзятый научный анализ существующих у нас основ конституционного строя... скорее можно представить в форме некой «выборной монархии» [19, с.256]. Действительно, анализ возможностей Президента РФ, предусмотренных федеральным законодательством, и его конституционных полномочий по обеспечению согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти позволяет с уверенностью говорить о сосредоточении в руках главы государства значительного объема власти. А «чрезмерная власть, — по словам Д.А.Керимова, — внезапно представленная в республике гражданину, образует монархию и дальше больше, чем монархию... в республике же гражданин, завладевший чрезвычайной властью, имеет гораздо большую возможность злоупотреблять ею, так как тут он не встречает никакого противодействия со стороны, не предусмотревшей этого обстоятельства...» [20, с.587].

Правовое положение российского Президента и его приоритет по отношению к другим высшим органам государства позволяет сделать вывод о существовании в России особой формы правления. И особенность эта заключается, по нашему убеждению, в закрепленных и в так называемых подразумеваемых полномочиях Президента, вытекающих из норм Конституции, в существующей, при этом, возможности ограничения президентской власти. Так, например, Президент может представлять одну и ту же кандидатуру на должность Председателя Правительства, вправе председательствовать на заседаниях Правительства, он также вправе отменить решения Правительства, а также вправе приостановить действия актов органов исполнительной власти

субъектов Российской Федерации, по этим же основаниям. Без каких-либо ограничений Президент может принимать решение об отставке Правительства (без согласия Государственной Думы), образовывать органы государственной власти (Государственный Совет). Президент непосредственно руководит деятельностью некоторых федеральных ведомств (ФСБ, МИД, МВД, МЧС, Минобороны, Служба внешней разведки) и мн. др.

Назначение на ту или иную государственную должность высшего уровня производится или самостоятельно Президентом, или по его согласию (предложению). Структура и система органов исполнительной власти также формируется самостоятельно Президентом подзаконными актами и мн.др. При этом в случае невозможности осуществлять полномочия президентом, их осуществляет Председатель Правительства РФ. Это лишний раз подтверждает, что президентские полномочия как главы государства единоличны. И не выходят за рамки исполнительной власти. В подобных случаях (неосуществление президентом своих полномочий по объективным причинам) исполнение обязанностей главы государства переходит к председателю верхней палаты Парламента (США, Казахстан и др. страны). Получается, что единственным ограничителем в деятельности российского президента является конституция. Таким образом, российский Президент ограничен неограниченной Конституцией.

Все вышесказанное позволяет говорить, что властные полномочия, осуществляемые Президентом, с одной стороны и полномочия, исполняемые Правительством, с другой, в совокупности образуют своеобразную дуалистическую природу исполнительной власти. Данная ветвь власти сочетает в себе президентские полномочия и полномочия, осуществляемые исполнительной властью, при так называемом некотором разделении труда между главой государства и высшим исполнительным органом.

Можно констатировать, что в настоящее время принцип разделения властей провозглашенный в Конституции Российской Федерации, не содержит систему взаимосдерживающих полномочий высших органов государственной власти, что в конечном итоге приводит к их дисбалансу и сосредоточению значительного объема власти в руках главы государства. Федеральное Собрание Российской Федерации не в состоянии оказывать какое-либо воздействие как на исполнительную власть в целом, так и на Президента в частности. Сказывается отсутствие рычагов влияния на функционирование исполнительной власти, например, возможности осуществления Парламентом контрольных полномочий за деятельностью Правительства.

Модель формы правления российского государства монархична сама по себе, и этот факт, на наш взгляд, не оспорим. Проблема заключается в том, что отечественная Конституция нуждается в определенной детализации ее некоторых размытых положений, касающихся закрепления правового статуса органов государственной власти и их взаимодействия между собой, основанной на системе сдержек и противовесов. Назрела необходимость в конкретизации и разграничении полномочий между законодательной и исполнительной властью, основанных на реальной системе сдержек и противовесов.

Мы понимаем, что зарубежный опыт государственного строительства представляет собой ценность, однако «нелепо вводит в стране государственную форму, — по справедливому высказыванию И.А.Ильина, не считаясь с

уровнем и навыками народного правосознания ...» «Какое же политическое верхоглядство нужно для того чтобы навязывать всем народам государственную форму монархии, даже тем, у которых нет и тени монархического правосознания, — продолжает он — ... Однако не столь же ли безответственно загонять в республиканскую форму жизни народа, выносившего в долгие века монархическое правосознание...» Вот как характеризует он опыт подобного установления в нашей стране после октябрьской революции: «Какое политическое доктринерство нужно было для того, чтобы в 1917 году сочинять в России некую сверхдемократическую, сверхреспубликанскую, сверхфедеративную конституцию и повергать России с ее наиндивидуальнейшей историей, душой и природой в хаос бессмысленного и бестолкового распада, который и мог закончиться тиранией бессовестных интернационалистов» [7, с.30,32].

Итак, мы видим, что менталитет является одним из определяющих факторов на откладывающих отпечаток на эволюцию государственности в России. Нельзя не вспомнить слова Л.А.Тихомирова, который связывал специфику эволюции российской государственности с особыми условиями ее появления: религиозными, социально-бытовыми и условиями внешней политики племен, соединившихся в государство. В то же время, как отмечает Л.А.Тихомиров, «все условия политической сознательности были в России за все 1000-летие ее существования крайне слабы и, по своей спутанности и противоречию, едва ли не хуже, чем где бы то ни было». Истоки монархического начала он видел в специфике геополитического фактора.

Нельзя не согласиться с О.Ю.Винниченко, что «вместе с тем, заимствуя европейский опыт государственного строительства, государственную идеологию, мы теряем свою самобытность, потенциальные возможности дальнейшего развития» [5, с.63].

С прогностическим видением, И.А.Ильин писал, что «пройдут годы национального опаматования, оседания, успокоения, уразумения, осведомления, восстановления элементарного правосознания, возврата к частной собственности, к началам чести и честности, к личной ответственности и лояльности, к чувству собственного достоинства, к неподкупности и самостоятельной мысли, прежде чем русский народ будет в состоянии произвести осмысленные и не погибельные политические выборы. А до тех пор его может повести только национальная, патриотическая, отнюдь не тоталитарная, но авторитарная — воспитывающая и возрождающая — диктатура» [7, с.33].

Полагаем, что любые реформы политического и государственного устройства должны исходить из специфики менталитета и правосознания граждан, которые в своей совокупности и будут определять соответствие формы государства его содержанию. Как показывает опыт государственного строительства в России, для органов публичной власти характерным было и остается всевластие и юридическая безответственность за свои действия (бездействия), что затрудняет становление гражданского общества. Гражданин не чувствует заинтересованность властей в создании полноценных и действенных условий для его самореализации. Мы почему-то преследуем демократические идеалы, порой не понимая их истинного смысла и назначения, заимствуя зарубежный правовой опыт, не задумываясь о его последствиях. Полагаем, что деятельность органов государственной власти и местного самоуправления

должна коррелироваться с учетом современных тенденций, направленных на реформирование их правового статуса и правосознания народа.

В этой связи представляется логичным, во-первых, установить юридическую ответственность органов публичной власти (и их должностных лиц) за свою деятельность, во-вторых, повышать уровень правовой информированности граждан, в-третьих, наделить контрольными (взаимосдерживающими) полномочиями органы публичной власти различных ветвей в отношении друг друга.

Литература:

1. Новейший словарь иностранных слов и выражений. — М.: Современный литератор, 2003.
2. Гуревич, А.Я. Вопросы философии. 1998. №1.
3. См.: Филд Д. История менталитета в зарубежной исторической литературе / Д. Филд / Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX веков): Материалы международной конференции. М., 1996.
4. Споры о главном: дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов» / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. М., 1993.
5. Винниченко, О.Ю. Российская государственность в контексте цивилизационного развития / О.Ю. Винниченко / Учебное пособие. 2-е изд. Тюмень: Издательство Тюменского Государственного университета, 2008.
6. Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): Мат-лы международной конференции . М., 1996; российская ментальность: мат-лы «круглого стола» // Вопросы философии. 1994. № 1. С.25-53; Нещадин А.А., Горин Н.И. судьба России в современной цивилизации. М., 2003; Кондаков И.В. Введение в историю русской культуры: Учеб. Пособие. М.,1997 и др.
7. Ильин И.А. Почему мы верим в России: Сочинения / и.А. Ильин. — М.: Эксмо, 2006.
8. Цит. по: В.Н.Корнев Проблемы теории государства в либеральной правовой мысли России конца XIX–начала XX века. М., 2005.
9. Н.Н.Алексеев: /Алексеев Н.Н./ Русский народ и государство. М.,2003.
10. Огурцов, А.П. / А.П. Огурцов / Российская ментальность: Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 1994. № 1.
11. Милов Л.В. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // Менталитет и аграрное развитие России (XIX — XX вв.): Мат-лы международной конференции. М.,1996.
12. Л.А.Тихомиров: /Тихомиров Л.А./ Монархическая государственность. М., 2006.
13. В.Н. Лешков: /Лешков В.Н./ Русский народ и государство: История русского общественного права до XVIII века / Сост. И.И. Мушкет. СПб.,2004.
14. Захаров, Н.А. /Захаров Н.А./ Система русской государственной власти. М.,2002.
15. Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства. Учебник для юридических вузов и факультетов. — М.: НОРМА-ИНФРА, 2002.
16. Автономов А.С. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Учебник. — М.: ТК Велби, Проспект, 2005.
17. Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции. — М.: Норма, 2005.
18. Цит. по кн. Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. Учебное пособие. — М.: Издательство МГУ, издательская группа ИНФРА-НОРМА, 1997.
19. Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. Учебное пособие. — М.: ИНФРА-НОРМА, 1997.
20. Керимов Д.А. Проблемы общей теории права и государства. Учебное пособие. 2-е издание. — Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2005.